

УДК 32

ББК 66.052

A. B. Головинов

Сибирское областничество как политико-идеологический феномен

A. V. Golovinov

Siberian Regionalism as a Political and Ideological Phenomenon

Статья посвящена выявлению идеологической сущности сибирского областничества. На основе современных подходов к определению природы политических идеологий показана причастность областничества к отечественным идеологиям. Установлено, что идеологическая природа учения классиков демократического регионализма выражается в практической направленности этой концептуальной схемы.

В рамках данной публикации показано, что практическая направленность идей сибирских регионалистов вовсе не является исчерпывающим фактором идеологической сущности областничества. Эта идеология направлена на внедрение в массовое сознание определённых критериев оценки прошлого, настоящего и будущего, являясь прочной основой групповой идентичности. Причастность областничества к идеологиям иллюстрирует стиль мышления, пропагандируемый в идеологии областничества, который исключал проявления космополитизма и национализма.

Ключевые слова: сибирское областничество, идеология, традиционализм, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-48

Заметная в последние годы научная актуализация сложной проблематики российского регионализма свидетельствует о ценности теоретического багажа, накопленного областниками в процессе многолетнего изучения региональных сообществ. Поэтому представляется очевидным, что в настоящее время назрела необходимость более адекватного определения смысла сибирского областничества как политической идеологии.

Принадлежность областничества к идеологиям, в конечном счете, позволит избавить концепцию сибирских регионалистов от некоторой доли утопизма. Известно, что идеология выступает комплексным социально-политическим феноменом, соединяющим духовное и практическое производство. Следовательно, в данном случае сама выработка идей, призванных трансформировать социальную и политическую дей-

This article is devoted to revealing the ideological essence of Siberian regionalism. On the basis of current approaches to the definition of the nature of political ideologies the publication shows that regionalism is related to Russian traditional ideologies. The author found out that the essence of the traditional democratic regionalism is expressed in the practical orientation of this conceptual scheme.

This paper shows that the ideological essence of regionalism cannot be limited to practical orientation of Siberian regionalism school of thought. This ideology serving as a solid basis of group identity is aimed at introducing certain criteria of evaluation of the past, present and future into the mass consciousness. Related to ideologies, regionalism illustrates the style of thinking promoted by the ideology of regionalism, which excludes any manifestations of nationalism and cosmopolitanism

Key words: Siberian regionalism, the ideology of traditionalism, N. M. Yadrinsev, G. N. Potanin.

ствительность, прежде всего связана с технологиями их практического осуществления. По наблюдениям же В. В. Ильина, идеология не может быть расценена как явление чисто духовное или практически-духовное; она есть образование синкретическое, отображающее способность человека как свободного существа самоутверждаться по внутренним автономным целям [1, с. 220].

По своей сути идеология всегда ориентирована на практический результат. Надо заметить, что сами лидеры областнического движения неоднократно отмечали, что «умы областников заняты более конкретным, их умы мало занимают абстрактными идеями, их внимание обращено, главным образом, на конкретное» [2, с. 3].

Обращая внимание на насущные проблемы Сибирского региона (отмена политической ссыл-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки в рамках федерального государственного задания (проект № 6.3042.2011 «Комплексное изучение развития политического и религиозного ландшафта в Южной Сибири в контексте государственной политики России»).

ки, строительство железной дороги, развитие народного образования, сохранение коренного населения и др.), Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев определяли, что суть всех проблем кроется в установлении «правильных» взаимоотношений центра и периферии. Эта цементирующая идея выступает неким идеологическим ядром областничества. Более того, этот центральный постулат идеологии сибирских патриотов выстраивался в теоретический конструкт исключительно из практических и наблюдаемых нужд региона. «Многообразные нужды Сибири, — писал Г. Н. Потанин, — обобщаются одной идеей — уравнением колонии с метрополией во всех областях жизни» [3, с. 275].

Практическую сущность областничества как идеологии еще на стадии зарождения движения молодых сибирских патриотов осознавали не только сами будущие лидеры сибирского регионализма, но и все «сочувствующие» сибирской идеи. «Было стремление, — пояснял Н. Козьмин в своем некрологе, посвященном Н. М. Ядринцеву, — превратить землячества в политический кружок для подготовки политических борцов. Такие стремления питались в значительной мере той борьбой, которая происходила в руководящих общественных кругах» [4, с. 3]. Потому не удивительно, что все участники движения областников, стремились не столько создать теоретические концепции, сколько разработать детальную стратегию выхода из так называемого имперского тупика. Причем становление свободной Сибири в их аргументации могло бы послужить примером и для других областей, соответственно, на этой почве крепкой поступью пошло бы развитие истинно федеративного государства.

Так или иначе, но идеология наряду с практическим элементом включает концепт идеальный. Являясь средством проектирования действительности, как отмечают современные исследователи, идеология определяет форму и характер существования ментального в реальном политическом мире. Она конструирует и преобразует картину мира — это внутреннее измерение реальности, которое преломляется сквозь призму идеологии [5, с. 7]. Таким образом, практическая направленность идей сибирских регионалистов вовсе не является исчерпывающим фактором идеологической сущности областничества. Однако же сама идеальная модель всегда рациональна, поскольку изначально происходит сознательное противопоставление «реального» и «идеального». Идеология задает систему координат и определяет видение вещей, но единственным источником легитимности идеологии может стать только тот, на кого непосредственно направлено идеологическое воздействие [6, с. 125].

В целом именно политическая идеология как органичное соединение идеального и рационального направлена на внедрение в массовое сознание определенных критериев оценки прошлого, насто-

ящего и будущего. Это, в свою очередь, способствует формированию смыслообразующих мотивов, детерминирующих дальнейшую политическую активность граждан. Формируя личностную модель мира, идеология, по наблюдениям современного автора, включается в индивидуальный процесс познания и интерпретации социально-политической реальности, способствуя объединению и концептуализации личной и общественной сфер жизни людей [7]. По нашему мнению, такие функции или задачи идеологии служат прочной основой групповой идентичности. Исходя из этого вполне можно считать, что та или иная идеология в какой-то степени базируется на национальной, социальной, региональной, религиозной (или другой) идентичности, к выработке которой она и стремится.

В своем содержательном контексте областническая идеология как раз и была призвана развивать местное самосознание, без которого немислима национально-региональная идентичность. Идеологи сибирского регионализма специально разъясняли: «Областное самоуправление предполагает область; в области есть население, оно пробудилось и начинает осознавать свои интересы, общие в пределах области; это самосознание распространяется только до пределов области и за ее пределы не выходит — за пределами действует самосознание другой области. Лица, в которых пробудилось это самосознание, и есть областники, а если они сорганизуются с целью разрабатывать это самосознание, то это и будет областничество» [8, с. 252].

Стоит добавить, что идеология есть форма социальной идентификации. Потребность в идентификации возникает в критический период крушения старых и возникновения новых социальных систем при остром ощущении потери стабильных основ, на которых строились прежние личные и групповые оценки. Идеология стала социально-значимым феноменом, когда был сделан качественный скачок в развитии производительных сил и технологических ресурсов, позволивший обществу гораздо больше усилий направлять на рациональное осмысление своей деятельности [9, с. 120].

В этой связи Л. И. Шерстова прямо указывает на то, что зарождение идеологии областничества пришлось на период сложения региональной идентичности в Сибири, что было связано с осознанием особых сибирских интересов [10, с. 150]. Другой современный исследователь заметил, что появление региона непременно связано с практической самоидентификацией определенной территориальной общности и выработкой региональной идентичности. В этом смысле, регионализм/областничество в любом регионе как раз является позиционирующим явлением, моделирующим региональную идентичность данного региона [11, с. 149].

Ратуя за развитие регионального самосознания, Г.Н. Потанин признавал: «Казалось, что какую картину будущего благополучия в области ни нарисуй, она не увлечет сибирского общества, не заставит его задуматься над своей судьбой». «Представление же о независимом сибирском государстве, — надеялся идеолог областничества, — вызовет радикальный переворот в умах, сдвинет их с места и заставит работать» [3, с. 271]. Таким образом, понятно, что сибирские областники в своей идеологии стали выразителями региональной идентичности. Они заложили теоретико-идеологический фундамент конструирования сибирской идентичности, сохраняющий свою значимость до настоящего времени.

Другой неотъемлемой характеристикой при определении областничества как идеологии является выработка определенного понимания социальной и политической действительности, присущая всем системам взглядов, квалифицируемым в качестве идеологии. Чем убедительней выглядит идеальный образ (понимание) действительности, тем более стройной признается идеология. В областничестве в этом отношении речь шла о «местных вопросах» и местном патриотизме. Общее понимание окружающей действительности было возможно только сквозь призму известных принципов «от провинции к центру», «от частного к целому», «от конкретного к абстрактному». «Конечно, он не забывал общечеловеческих интересов, — как отмечал биограф Г.Н. Потанина, — но отказывался от широкой программы служения целому человечеству; он думал, что потрудившись для Сибири, добившись для нее равных прав, он тем самым окажет услугу и всему человечеству» [12, с. 20].

Стиль мышления, пропагандируемый в идеологии областничества, исключал всякие проявления космополитизма и национализма, а также идеи о любой исключительности, он содержал в себе призыв к реализации повседневных практик решения истинно насущных проблем. Ядром такого мышления выступает не столько обиденное сознание, сколько общегрупповые и общечеловеческие ценности. Нужно, однако, признать, что созданные и обоснованные идеологиями ценности, по мнению отечественных исследователей, являются особой формой выражения интересов социальных групп и воплощают в себе сознательное и бессознательное стремление конкретных страт организовать общественную жизнь, помыслы и поступки сограждан определенным образом, направить их в необходимое данной группе русло [13, с. 48]. Так вот такой группой в областнической идеологии являлись сибиряки, причем как коренные, так и пришлые, соединенные в «народно-областном типе». Само понимания социальной и политической действительности в областничестве было немислимо без служения «Отчему краю», своей малой родине.

В этом своем проявлении областничество вполне может расцениваться как народная идеология. «Народная идеология, — по определению зарубежного исследователя, — это, как правило, сочетание двух элементов: один из них присущ низшим «народным» классам; другой — постепенно привносится в эти классы извне и адаптируется ими». Первый и самый важный, базовый ее элемент Дж. Рюде идентифицирует как «традиционную идеологию», которая «не навешана проповедями и речами, не вычитана из книг». Она представляет собой комплекс фундаментальных ценностей, который «вытекает из непосредственного опыта, устной традиции и народной памяти». Второй элемент «народной идеологии» составляют внешние для народа заимствования. Это сфера собственно политической идеологии. В частности, к ней относятся такие систематизированные идейно-нормативные понятия, как «права человека», «народный суверенитет», «свобода» и т.д. (цит. по: [14, с. 256]). Не случайно Н.М. Ядринцев призывал обращаться к истории различных «областных масс народа». «Народ, — был убежден Ядринцев, — не является пассивной массой, он все больше выходит на арену истории» [15, с. 36].

Справедливости ради стоит отметить, что идеологическая сущность сибирского областничества прослеживается не только в содержательном плане, о котором шла речь выше. Сибирский исследователь А.И. Щербинин заметил, что делать акцент только на содержательной стороне идеологий было бы неполноценным, поскольку в идеологию включается и символический аспект. Он обращен к мотивациям общественно-политического поведения граждан [5]. Между прочим, именно в этом свое аспекте идеологии и приобретают новую жизнь, и берутся на вооружение многими общественными деятелями. Так и областничество продолжает развиваться, а иногда, правда, спекулятивно искажаться современными политическими деятелями.

Вполне очевидно, что в современной России наметилась идеологическая тенденция, которую можно идентифицировать как возвращение парадигмы областничества в реальную общественно-политическую жизнь. Ни для кого в данном случае не секрет, что со времени подписания «Сибирского соглашения» необластничество стало стремительно расширяться. Универсальность идеи «Свободной Сибири», воспетой адептами областничества в XIX в., не только продолжает волновать умы региональных деятелей, но и переосмысливается в деятельности и работах, например, Д. Верхотурова и И. Подшивалова. «В рамках России идея сибирской самостоятельности обладает большим потенциалом преобразования, — пишет областнически настроенный современный публицист, — для общества под названием Россия — это последний шанс на выживание» [16, с. 291]. Современные сторонники, правильнее сказать, последователи областнической

идеологии, самостоятельность связывают с требованиями культурной автономии. В частности, к этим требованиям Д. Верхотуров относит: отмену навязывания государственной идеологии и государственного патриотизма; отмену навязывания какой-либо идентичности; полную свободу изучения и составления своей истории; полную свободу поддержания внешних культурных и образовательных связей [16, с. 294]. В этой связи символический концепт свободной независимой Сибири, сформулированный классиками областничества, дарует этой идеологии новую жизнь. Все это дает нам право видеть в этом еще один аргумент в пользу областничества как идеологии.

Обращает на себя внимание факт, что символический концепт Свободной Сибири выстраивался в областничестве посредством апелляции к традиционным ценностям, имманентно присущим русскому народу. Потому понятно, что в своем идеологическом содержании сибирский регионализм явно тяготеет

к традиционализму. Нам представляется, что областничество занимает особое место среди отечественных традиционных идеологий.

Итак, можно установить, что сибирское областничество представляет собой традиционную отечественную идеологию. Идеологическая природа учения классиков демократического регионализма выражается в практической нацеленности этой концептуальной схемы. Эта идеология направлена на внедрение в массовое сознание определенных критериев оценки прошлого, настоящего и будущего, являясь прочной основой групповой идентичности. Причастность областничества к идеологиям иллюстрирует стиль мышления, пропагандируемый в идеологии областничества, который исключал всякие проявления космополитизма и национализма. Символический аспект, выраженный в концепте Свободной Сибири, придает областничеству как идеологии неизменную актуальность и востребованность в наши дни.

Библиографический список

1. Ильин В. В. Аксиология. — М., 2005.
2. Сибирская жизнь. 1912. №4.
3. Потанин Н. Г. Нужды Сибири // Сибирь ее современное состояние и нужды. — СПб., 1908.
4. Козьмин Н. Памяти Ядринцева // Сибирская жизнь. — 1915. — №4.
5. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Политический мир России. — Томск, 1996.
6. Скочилова В. Г. Идеология как символическая система // Вестник Томск. ун-та. Сер. Философия, социология, политология. — 2008. — №3.
7. Аль-Дайни М. А. Манипулятивный характер идеологии в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2012.
8. Потанин Г. Н. Быть или не быть сибирскому областничеству // Г. Н. Потанин. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 2: Общественно-политические произведения. — Павлодар, 2005.
9. Ермаков А. В. Современная российская государственная идеология и ее «николаевские» корни // Известия Иркут. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. — 2011. — №3.
10. Шерстова Л. И. Областническая идеология: некоторые проблемы региональной идентичности // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: к 150-летию сибирского областничества: сб. ст. / отв. ред. А. В. Малинов. — СПб., 2010.
11. Зайнутдинов А. Э. Сибирское областничество как фактор формирования региональной идентичности // Российское общество и государство: актуальные проблемы на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. заочн. конф. / сост. А. С. Тимошук. — Владимир, 2010.
12. Адрианов А. В. К биографии Г. Н. Потанина // К 80-летию со дня рождения Потанина : сборник. — Томск, 1915.
13. Давидович В. Е., Золотухина-Аболина Е. В. Повседневность и идеология // Философские науки. — 2004. — №3.
14. Должиков В. А. Русский традиционализм XIX в.: проблема ретроспективной политологической идентификации // Неверовские чтения : материалы II региональной конференции, посвященной памяти В. И. Неверова. — Барнаул, 2007.
15. Ядринцев Н. М. Народно-областное начало русской жизни и истории // Ядринцев Н. М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. — Красноярск, 1919.
16. Верхотуров Д. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня. — Красноярск ; Владимир, 2009.